

ДАМА С БУКЕТОМ
ГВОЗДИК

ГЛАВА 1

Именно она, миниатюра Гольбейна, собрала дождливым ноябрьским днем антикваров в «Верноне», поскольку на аукционе не было ничего сравнимого с ней ни по стоимости, ни по значимости. Несколько неожиданно присланная семьей Неллер из Роксонского аббатства, миниатюра была широко известна как «Дама с букетом гвоздик». Это исключительное по своей изысканности произведение представляло собой крошечный портрет мадемуазель де Керси, дочери посла при дворе Генриха Восьмого, написанный около 1532 года, вскоре после возвращения Гольбейна в Лондон из Базеля — в период творческого расцвета мастера.

Длинная галерея была переполнена, когда ровно в половине пятого миниатюру выставили на продажу. Из уважения к собравшимся, в котором угадывалась легкая ирония, торги были начаты с двух тысяч гиней, цена тут же выросла до пяти тысяч, на мгновение замерла, затем устремилась к семи, поколебалась, после чего с паузами, свидетельствовавшими об убытии конкурентов, дошла до девяти тысяч четырехсот гиней, когда не осталось никого, кроме двух сильных соперников. Здесь она остановилась.

— Девять тысяч четырехста гиней.

Учтивый и бдительный аукционист, занимавший высокую красную трибуну, — волосы тщательно расчесаны на прямой пробор, в темный галстук аккуратно воткнута жемчужная булавка — внушительно повторил цифру, не отрывая взгляда от бесстрастного лица Бернарда Рубина, смотревшего куда-то в сторону. Похоже, что нынешняя ставка была его пределом. И все-таки в конце концов его прищуренный глаз, едва различимый под жестким краем шляпы-котелка, с каким-то кислым упрямством моргнул, и аукционист сразу же пробормотал:

— Девять тысяч пятьсот гиней.

В следующий миг с противоположной стороны помещения был подан почти незаметный знак.

— Девять тысяч шестьсот, — невозмутимо заметил аукционист.

— Девять тысяч семьсот! — Рубин мрачно двинулся дальше, но снова кто-то бросил ему вызов.

— Девять тысяч восемьсот гиней, — объявил аукционист и повернулся в сторону Рубина.

Но Рубин со всей очевидностью выбыл из игры, он и так уже превысил лимит, и теперь всем своим видом стоически отмежевывался от происходящего. Если что-то и вывело старого Бернарда Рубина на первое место в торговле антиквариатом, так это способность вовремя останавливаться.

— Девять тысяч восемьсот гиней, — повторил аукционист, обводя взглядом переполненный зал.

Тишина.

— В последний раз: девять тысяч восемьсот гиней.

Опять тишина, зловещая и бесповоротная, прерванная резким стуком молотка.

— Продано за девять тысяч восемьсот гиней... мисс Лоример.

Кэтрин Лоример незаметно поднялась со своего места за длинным столом и направилась к открытым двойным дверям в конце просторного зала. Несколько человек, вежливо расступившись перед ней, пробормотали поздравления, но, если не считать ее слабой улыбки, она, казалось, не обратила на них внимания. На самом деле в тот момент ей было бы трудно вести себя как-то иначе, поскольку, несмотря на обретенную с опытом выдержку, она чувствовала, как болезненно колотится сердце от напряжения, пережитого в эти последние бесконечные секунды. Ей приглянулась эта миниатюра, но еще одна ставка от Рубина означала бы конец ее планам.

Спустившись по ступенькам, старый Бернард присоединился к ней и заковылял рядом в загадочном молчании. Его машина, черно-серебристая модель «континенталь», огромная и дорогая — Бернард не преминул сообщить всем о ее цене, — стояла у края тротуара. На выходе Кэтрин и Рубин остановились, встреченные шумом и пестротой улицы, запруженной транспортом, и городским гулом Лондона, из-за чего аукционный зал казался чем-то отстраненным и совершенно ненастоящим.

— Нам не по пути? — спросил Рубин.

Так он обычно предлагал ее подвезти.

Было уже около пяти, и Кэтрин, поддавшись внезапному порыву, решила не возвращаться к делам, а отправиться домой. Она кивнула, затем, из-за дождя и тумана, слегка поехала и быстро шагнула к машине.

На Кинг-стрит было почти не проехать, а на Пикадилли, забитой омнибусами и такси, вообще пришлось стоять. Когда машина двинулась, остановилась и снова двинулась в сторону Керзон-стрит, полуприкрытые глаза Рубина из-под резко очерченных семитских бровей со странной ироничной пронизательностью обратились на Кэтрин.

— Вы дали слишком много, мисс Лоример, — сказал он наконец.

— А вы не слишком ли много на себя берете, мистер Рубин?

Рубин тихо рассмеялся:

— Может быть, может быть! — Он позволил себе роскошь легко согласиться, сделав паузу, чтобы полюбоваться идеальным бриллиантом на мизинце левой руки. — Наверное, у вас все очень хорошо, если вы можете забираться так высоко. А, мисс Лоример?

— О, не так уж плохо. — Тон Кэтрин был совершенно неприкрытым.

— А, ну что ж, это прекрасно! Это чудесно! Особенно когда остальные из нас, занятых в торговле, переживают тяжелые времена. Ни денег, ни клиентов, нигде никакой активности. Но вы... вы можете позволить себе заплатить десять тысяч за крохотную вещицу Гольбейна. Вот так просто! Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Губы Кэтрин приоткрылись, чтобы что-то произнести, но снова сомкнулись. Вместо этого она улыбнулась слабой сдержанной улыбкой, которая, казалось, придавала ей еще большую замкнутость, и откинулась на спинку сиденья в своем углу, глядя прямо перед собой. Выражение решимости и хладнокровия, всегда отличавших ее, усилилось, но, как ни странно, под этим видимым спокойствием, похоже, скрывалась страстная импульсивная натура, которую приходилось обуздывать. В темной же глубине ее глаз мерцали яркие точки света, словно предвосхи-

щая красочную, насыщенную жизнь. Но в основном выражение ее лица было печальным, а на широком лбу пролегла морщинка, словно в прошлом Кэтрин испытала минуты отчаяния и замешательства. Черты ее бледного лица, каштановые волосы и теплые карие глаза были прекрасны, а зубы были такими белыми, что придавали свежесть даже малейшей ее улыбке. Ей было не больше тридцати пяти. И все же из-за этой ее невозмутимой твердости, этого самоконтроля, этой ее отрешенности — будто она созерцает вдали какой-то абстрактный объект — ее сторонились, а иногда даже опасались.

Она была в простом темном шерстяном платье, явно выбранном в спешке, наугад, и в недорогой шляпке, немного съехавшей на затылок и не соответствующей платью. Было очевидно, что Кэтрин равнодушна к своей одежде. Лишь ее туфли ручной работы из тонкой кожи свидетельствовали о том, что она в какой-то мере гордится своими стройными, красивыми ногами.

— Конечно, — с хитрецей заметил Рубин, — если вы хотите получить прибыль, скажем верные десять процентов, и побыстрее, наличными...

Кэтрин решительно покачала головой.

— Спасибо, мистер Рубин. Но если я расстанусь с этим Гольбейном, то за настоящие деньги.

— Настоящие деньги. Их больше не существует. По крайней мере, здесь. Нет-нет! — Рубин ухмыльнулся, пародируя популярную песню: — «Здесь вы это не найдете».

— Возможно, что не найду. — Кэтрин повернулась к нему. — А теперь послушайте, мистер Рубин, и перестаньте ерничать. В следующем месяце я везу миниатюру в Нью-Йорк. И там я продам ее Брандту. Сейчас он в Аргентине, но вернется двенадцатого декабря. Он скупает Гольбейна. Он готов купить его у меня за двадцать тысяч фунтов.

— Ах, Брандт, так вот в чем дело, — отозвался Рубин с внезапными нотками уважения. — Что ж, вы умная женщина, моя дорогая, но, честное слово, на вашем месте я бы не стал рисковать!

— Я могу себе это позволить, — любезно ответила Катрин.

— Вот именно, — закивал Рубин, словно китайский мандарин. — Вот именно, моя дорогая, вам виднее, что к чему.

Он бросил на нее еще один вопрошающий взгляд, полный невольного пиетета, но на ее черты уже снова легла тень напускной суровости, что окончательно закрыло тему разговора. В машине воцарилась тишина, которая длилась до тех пор, пока Рубин, словно желая внести поправку в неловкое молчание, не заметил:

— Ваша маленькая племянница, актриса Нэнси Шервуд, как у нее дела?

Кэтрин тут же снова повернулась к нему, на ее лице отразился живой интерес.

— Превосходно, мистер Рубин. Она только что обручилась.

— Так-так. Кто этот счастливец?

Губы Кэтрин дрогнули.

— Я узнаю это сегодня вечером. Я приглашена на вечеринку — познакомиться с ним, если вам угодно. Теперь это происходит каким-то невероятным образом. Совсем не так, как в нашей молодости.

— Но ваша молодость сейчас, моя дорогая, — ловко вставил Рубин.

— О, чушь! Вы знаете, что я имею в виду. Только представьте — Нэнси едет на две недели в Ниццу отдохнуть перед своим новым спектаклем и возвращается, таща за собой будущего мужа, словно новую сумочку.

— Ну, сейчас такие вещи делаются довольно быстро, — усмехнулся Рубин. — Но за ними по-прежнему стоят старые идеи.

Когда машина свернула на Керзон-стрит и остановилась напротив дома Кэтрин, Рубин сделал последний лукавый выпад в ее сторону:

— Похоже, Гольбеин все-таки может пригодиться! — Он хлопал ее по руке, когда она поднялась, чтобы выйти из машины. — Если вы не продаете, тогда почему бы не преподнести его в качестве свадебного подарка?

В ушах Кэтрин еще звенел его мягкий смешок, когда она направилась к своим апартаментам — одной из офисных квартир, недавно появившихся здесь. Роскошь и почти барочное великолепие этого здания с кондиционерами претили ее вкусу, но она находила это место не только удобным для своего дела, но и прес-

тижным, что было неизбежной необходимостью в ее профессии. Швейцар впустил ее и проводил до лифта, а другой, с такими же галунами, поднялся с ней на шестой этаж и подобострастно выпустил ее там.

Ввиду своего происхождения и непритязательности привычек, Кэтрин никогда не переставала удивляться самой себе в подобных ситуациях и часто действительно получала втайне детское удовольствие от вида таких разнообразных вещей, как автоматические почтовые ящики или лакейская форма с галунами, однако в этот вечер ее внимание было поглощено другим. Нахмурившись, она размышляла над недавними репликами Рубина, спрашивая себя, не знал ли на самом деле старый лис о ее финансовых трудностях, и с непроизвольным вздохом допуская, что если даже и не знал, то явно предчувствовал худшее.

Как только она оказалась у своей двери, мышцы ее лица ослабли, и оно сразу стало усталым и измученным. Она позволила себе признать, что у нее был ужасный день, с беспокойным и невыгодным клиентом в начале, почти без обеда в середине и с этой безумной схваткой за миниатюру в конце. У нее ужасно болела голова, а во всем теле ощущались пустота и слабость. Одним нервным движением она сорвала шляпку и швырнула ее вместе с перчатками и сумкой на диван. Затем она отправилась в маленькую кухню, чтобы поставить чай и, набравшись решимости, сварить себе яйцо.

Пятнадцать минут спустя, когда она сидела на холодной цинковой скамейке в крошечной кухне перед пустой чашкой и яичной скорлупой, ее пронзила абсурдность происходящего. Она платила четыреста фунтов в год за аренду только этого места и еще шестьсот за свои офисные помещения. Она только что потратила десять тысяч на миниатюру. А ужин обошелся ей примерно в четыре пенса. Она засмеялась и не могла остановиться, пока у нее не выступили слезы, но это были горькие слезы, и дай она им волю, так, пожалуй, не выдержала бы и расплакалась.

Вернувшись в гостиную — тихое помещение, скупо, но уютно обставленное несколькими со вкусом подобранными вещами, — Кэтрин сбросила туфли, свернулась калачиком в кресле и закурила сигарету. Она курила редко, только когда была очень

счастлива или очень несчастна, а этим вечером она чувствовала безграничную опустошенность. В последнее время дела шли отвратительно. С торговлей антиквариатом было не лучше: приливы и отливы. Она, как и все остальные, вознеслась на вершину в период бума, а теперь почти безнадежно барахталась внизу. Конечно, она боролась и в конце концов победила бы. Были приняты все возможные меры для экономии расходов. Она не могла избежать обязательств по аренде на Керзон-стрит и Кинг-стрит, но отказалась от своей машины и свела личные траты к минимуму. Однако на душе было тяжело и горько.

Она решила пока не разбираться в нюансах своего финансового положения. Для этого будет достаточно времени в понедельник, когда она снова заглянет в банк к мистеру Фаррару.

Кроме того, этим вечером для ее меланхолии были более серьезные личные причины. Она чувствовала себя отчаянно одинокой. В глазах ее родственников и друзей, да и в глазах всего мира, она олицетворяла нечто великое — успех. Ее мысли вернулись к началу пути, и она увидела свой дом на две семьи в Талс-Хилле, себя шестнадцатилетней, только что окончившей муниципальную школу, а далее — робкой маленькой машинисткой в конторах «Твисс и Уордроп», «Хаус фернишинг», «Дак корт», «Хай-Холборн». Кэтрин допустили на этот оптовый склад мишуры, потому что ее отец был знаком с одним из деловых партнеров, а именно с мистером Твиссом, таким же рьяным нонконформистом, как и он сам; и все же она — несмотря на то что была «своей» — вздрагивала от одного слова мистера Твисса и трепетала, когда мистер Уордроп хмурился.

С тех пор ее жизнь изменилась. Теперь она владела «Антикой» на Кинг-стрит и в Сент-Джеймсе, а также на Парк-авеню в Нью-Йорке, славилась своим вкусом и оформительским даром, считалась специалистом по реконструкции эпохи, бижутерии, изобразительному искусству, да и вообще была, возможно, самой известной в мире женщиной-антикваром. Как это случилось? Это случилось, мрачно размышляла она, потому что она сама этого захотела, потому что она твердо решила сделать карьеру, безоглядно жертвуя всем, безжалостно закаляя свое юное робкое сердце невероятными трудностями и беззастенчивостью. Она хотела любой ценой стать кем-то. Что ж, она этого добилась.

Она реализовала свои амбиции, но, боже, каким пустым оказалось это ее тщеславие!

У ее локтя зазвонил телефон. Кэтрин машинально, усталым движением подняла трубку, поскольку одним из осложнений ее жизни стала необходимость постоянно пребывать во власти этого устройства.

Это была мать, звонившая из Уимблдона, с уютной виллы, в которой Кэтрин поселила ее пять лет назад.

— Наконец-то, Кэтрин. — В голосе старой миссис Лоример слышались скорбь и долготерпение. — Что ж, на этот раз мне, как ни странно, повезло. Похоже, в эти дни мне никак до тебя не дозвониться. Похоже, у тебя никогда не бывает минутки поговорить со своей бедной старой матерью. Никогда, никогда!

— Разве я не звонила тебе вчера вечером, мама? — набравшись терпения, спросила Кэтрин.

— Ну и что, если и звонила? — раздраженно ответила пожилая леди. — Алло, алло! Ты меня слышишь?

— Да, мама, я тебя слышу.

— Хорошо, тогда не вешай трубку. Мне нужно многое тебе сказать. Просто подожди минутку. Я записала это на клочке бумаги. А теперь, где мои очки? Господи, они на мне! Итак, первое — ты приедешь ко мне на эти выходные с Нэнси и ее новым молодым человеком?

— Да, мы приедем.

— Отлично, моя дорогая. А теперь слушай! Я хочу, чтобы вы привезли мне кое-что из мелочей: шерстяных ниток, миндаль в сахаре, шоколадный торт и какой-нибудь новый хороший роман. Не забудь, Кэтрин, особенно про миндаль в сахаре — ну, какой ты покупаешь мне в «Фортнуме». О, и пока я не забыла, заодно можешь купить там и пасту из анчоусов. Я люблю намазывать ее на тосты. Почему-то с анчоусами так уютно пить чай у камина зимним вечерком. И послушай, Кэтрин, ты слышишь меня, дорогая? Мне нужна для новой шали трехниточная серая шерсть, если я случайно упустила это.

Кэтрин, терпеливо слушавшая ее, теперь слабо улыбнулась:

— Хорошо, мама. Я выполню твои приказы.

— Ну уж и приказы! — В старческом голосе зазвучали нотки обиды. — Ты укоряешь меня за то, что я прошу о каких-то прос-

тых вещах первой необходимости! Ну как же можно, Кэтрин, так выговаривать своей бедной старой матери, это выше человеческого понимания. Если бы твой отец был жив...

Услышав знакомое обращение к смерти, Кэтрин быстро взяла себя в руки. Она поспешно сказала:

— Успокойся, мама. Ты же знаешь, я ничего такого не имела в виду.

Пауза.

— Ты не сердись на меня?

— Конечно нет, мама.

— Что ж. — В трубке раздался тихий вздох умиротворения. — Ну тогда все в порядке. Ты меня слышишь? Алло, алло, эта наглая девица на телефонной станции снова собирается нас прервать. Спокойной ночи. Да благословит тебя Бог, моя дорогая. И не забудь миндаль в сахаре.

Покачав головой, Кэтрин положила трубку. Хотя ее дорогая мама жила более комфортно, чем когда-либо в своей жизни, имея собственный дом и все, что ей требовалось, тем не менее у нее было постоянное чувство, что с ней дурно обращаются. Ей нравилось быть обиженной. Подчас она не знала в этом никакой меры.

Но сейчас, торопливо глянув на часы, Кэтрин решительно выбросила из головы все свои тревоги. Встав, она пошла в ванную и открыла краны. Хотя ей совсем не хотелось выходить из дома этим вечером, ничто в мире не заставило бы ее огорчить Нэнси. Она быстро разделась, небрежно разбросав вещи, и шагнула в ванну.

Приходя в себя в чистой и теплой, без ароматизаторов воде, она подумала о своей племяннице, и хмурое выражение на ее лице инстинктивно исчезло, а губы изогнулись в нежной улыбке. Она обожала Нэнси, дочь своей старшей сестры Грейс, которая против воли матери вышла замуж за Джо Шервуда, счастливо прожила с ним пятнадцать лет, а затем оправдала забытые пророчества и дурные предчувствия, мгновенно и бесславно погибнув вместе с ним в автомобильной катастрофе на Грейт-Уэстроуд. С того трагического дня Кэтрин взяла на себя все заботы о Нэнси — тогда долговязой четырнадцатилетней девочке: проявляла к ней всяческое внимание, дала завершить образование,

позже помогла ей учиться в Школе драматического искусства, даже снисходительно уступив двенадцать месяцев назад ее настоятельному желанию пойти на сцену. Тем не менее, несмотря на этот подвиг преданного служения, Кэтрин была резка с теми, кто намекал, что она избаловала свою племянницу. Самая чудесная и самая дорогая девочка на свете, Нэнси ни в чем не знала отказа.

Кэтрин казалось странным думать о ней как о взрослой сейчас, когда она вернулась с Ривьеры и невозмутимо объявила о своей помолвке. И все же это было хорошо; что может быть лучше — быстро все устроить, наслаждаться с мужем и детьми самым прекрасным, что только есть в жизни. Вот чего она желала Нэнси, и сейчас по какой-то странной причине она желала этого более, чем когда-либо.

Встав, Кэтрин быстро растерлась грубым полотенцем, так что ее тонкая белая кожа засияла в ответ. Подсознательно она не могла не испытывать благодарность за свое здоровое тело, без которого она никогда бы не выдержала тягот и ударов последних нескольких лет.

Она одевалась медленнее, чем обычно, выбрав платье, которое купила во время своего последнего визита в Париж. Обычно одежда не имела большого значения для Кэтрин. Она честно признавалась себе, что у нее нет ни повода, ни времени для блестящего оперения, и часто она действительно выглядела совершенно непрезентабельно, что обычно с улыбкой принималось за каприз богатой, успешной женщины. Но этим вечером, собираясь с силами, она почувствовала, что ради Нэнси у нее должен быть достойный вид.

В половине девятого, глядя в маленькое зеркало «Воксхолл» на туалетном столике, она была уже готова и, рассматривая свое отражение, решила, что, несмотря на беспокойный день, выглядит вполне прилично. Под глазами наметилось несколько морщинок, но цвет лица, лишённого всякого макияжа, был свежим и приятным. А нежный цвет губ, контрастирующий с белизной зубов, свидетельствовал о чистой и энергичной крови.

Снаружи дождь прекратился, и тротуары, высушенные пронизывающим ветром, приглашали к бодрящей прогулке. В такие

вечера Кэтрин ничего так не любила, как выбирать для маршрута улицы потише, подставляя себя легкому ветру, когда щеки покалывало от ее собственных быстрых шагов. Но теперь, ради приличия и помня, что на ней вечерние туфли, она устояла перед таким искушением. Она взяла такси до Адельфи, где на верхнем этаже старого «Адам-хауса», неподалеку от Джон-стрит, у Нэнси были свои апартаменты.

В здании, нижние этажи которого были отданы в основном под юридические конторы, не было лифта; и когда Кэтрин поднималась по истертым каменным ступеням, вдоль высоких оштукатуренных стен, к ней пришло безошибочное предвкушение маленького вечернего праздника. Действительно, когда ей открыли дверь и предоставили ее заботам толковой горничной Нэнси и приглашаемого в таких случаях слуги, помещение внутри было заполнено толпами гостей, сигаретным дымом и галдежом.

Как только Кэтрин оказалась в гостиной, Нэнси, вскинув руку, подошла к ней и поцеловала.

— О, Кэтрин, — сказала она, — как это чудесно — снова тебя видеть. Я страшно соскучилась.

Кэтрин улыбнулась:

— Тогда почему ты не приехала раньше? Ты ведь в среду вернулась.

— Знаю, дорогая, я ужасно хотела, но, господи, ты не представляешь, как я закутилась с репетицией нового спектакля, с одеждой, с Крисом и со всем прочим.

— Я вижу.

Кэтрин с нежностью смотрела на племянницу, отмечая, насколько та хороша. Хотя Нэнси было всего двадцать четыре года, она обладала законченной, своего рода стандартной красотой. Чудесная, довольно упругая кожа лица, высокие скулы, слегка раскосые голубые глаза и тонко подведенные брови. Ее вымытые до блеска великолепные волосы светились как золото. Губы у нее были тонкие и алые, потому что Нэнси не жалела на них губной помады. Ее стройная фигура, исполненная ленивой грации, излучала странную энергию, чуть ли не электрическую.

— Что ж, — сказала Кэтрин с напускной суровостью, — я думала, ты обручена со своим театром.

Нэнси рассмеялась:

— Так оно и есть, дорогая. Но это не мешает мне к тому же обручиться с Крисом.

— Я понимаю, — улынулась Кэтрин и огляделась вокруг. — А где Крис?

— Даю тебе возможность поискать его, дорогая!

— Что?

— Это будет забавно. Ты всегда так теряешься среди моих друзей, дорогая. Бьюсь об заклад, ты не сможешь его найти.

— Вообще-то, если он джентльмен, — губы Кэтрин смешливо изогнулись, — думаю, он сам должен найти меня!

В этот момент торопливо прибыли еще несколько человек, и Нэнси, соорудив гримаску в сторону Кэтрин, растворилась среди них. Кэтрин подошла к шведскому столу и заняла стратегическую позицию у блюда, на котором лежали канапе с икрой. Ей хватало мудрости не оказаться в центре вечеринки и независимости, дабы не сетовать, что ей не нашлось иной компании, чем сэндвичи. Манеры Кэтрин были отмечены уверенностью, но не столько благодаря светским условностям многочисленных контактов — хотя было и это, — сколько благодаря ее абсолютно естественной простоте. Кроме того, хотя вечеринки ее забавляли, Нэнси была права: из друзей своей племянницы Кэтрин мало кого знала. Среди знакомых ей были Дэвид Алмонер, молодой актер, игравший в пьесах Шекспира, и его жена Нина Джордж, пианистка; Арнольд Ригби, светский фотограф; Джон Херрис, режиссер драмы в Би-би-си, и Тони Ульрик, чья книга юмористических стихов «Либи́до-лимерики» с его собственными иллюстрациями имела известный успех, хотя Кэтрин находила ее гадкой и бездарной. Но в основном лица были ей незнакомы. Она выпила бокал шампанского и попробовала икры. Шведский стол был превосходным. Подсознательно она одобряла сей факт, поскольку в иные времена ей приходилось за это платить.

Вечеринка набирала обороты. Вошел Дэвид Чешэм, автор «Света в Аркадии», пьесы, в которой должна была сыграть Нэнси, а мгновение спустя — Сэм Бертрам, сам знаменитый Берти, — более знаменитого, чем он, продюсера не существовало. Оба были с восторгом встречены Нэнси. Бертрам интимно, дружески махнул Кэтрин, дав понять, что он скоро присоединится

к ней. Она одарила его ответной улыбкой. Берти она знала уже несколько лет, часто помогала ему с оформлением спектаклей, очень любила его грубоватую, в стиле английского севера, сердечность.

Гул усилился. На этом фоне Ульрик декламировал одно из своих стихотворений, сопровождаемое нарочито нелепым аккомпанементом на фортепиано в исполнении Нины Джордж. Кэтрин уже начала слегка уставать от всего этого, когда вдруг услышала рядом с собой чей-то голос, который благодаря своему спокойствию и американской проникновенности прозвучал четко и внятно:

— Похоже, что вы и я — единственные здесь здравомыслящие существа.

Она удивленно обернулась. Высокий, с довольно бледным лицом мужчина, стоявший рядом в небрежной позе, сунув руки в карманы, ответил на ее недоумение умным взглядом. На вид ему было около тридцати пяти, черноволосый, с тонкими и выразительными чертами лица. Его странно удлинненную верхнюю губу пересекал тонкой ниточкой белый шрам, который каким-то образом придавал его облику выражение упрямства и хладнокровия. Скрытая самоуверенность, ощущаемая за его репликой, неприятно задела Кэтрин.

— Вам обязательно меня включать в свою компанию? — спросила она, слегка приподняв брови.

— Ну, — протянул он, — думаю, что необязательно, если вы против.

— Тогда оставим только вас, как единственного представителя мудрого и многострадального человечества.

Он беззвучно рассмеялся, и только в морщинках возле глаз обозначалось спокойное и ненавязчивое оживление.

— Вы, бесспорно, меня уели, мисс Лоример. Думаю, остроумия у вас даже больше, чем говорила Нэнси, а она предупреждала, что вам лучше на язык не попадаться.

Кэтрин откровенно уставилась на него с открытым ртом:

— То есть вы хотите сказать, что...

— Конечно! — Он кивнул и суховато улыбнулся. — Я Крис Мэдден. Пожалуйста, не смотрите на меня так разочарованно. Я знаю, что недостаточно хорош для Нэнси, но, поверьте мне, мисс Лоример, я буду очень стараться.

Кэтрин машинально пожала протянутую ей твердую руку, одновременно пытаясь вернуть самообладание.

— Это совершенно абсурдно с моей стороны — быть столь мало информированной, — сказала она. — Но я вряд ли могла предположить, что Нэнси выйдет замуж за американца.

— А почему нет? — отозвался он своим ровным, рассудительным тоном. — И я, со своей стороны, никогда не предполагал жениться на англичанке.

Колкость оказалась болезненной, и Кэтрин, почувствовав, что заслужила ее, залилась ярким, несвойственным ей румянцем. Она быстро взглянула на Крису, но он продолжал, будто не замечая ее конфуза:

— Видите ли, подобные вещи происходят не так, как мы планируем. И когда мы с Нэнси встретились в Ницце — господи, я никогда этого не забуду — при ярком солнечном свете — не чета, мисс Лоример, здешним туманам, — у меня при виде ее перехватило дыхание. — Он замолчал, словно спохватившись, затем, обретя прежнюю сдержанность, добавил: — Так или иначе, я думаю, нас обоих просто обожгло, как это случается с людьми со времен Адама и Евы.

— Звучит довольно идиллически.

Его объяснение, пусть даже искреннее, прозвучало настолько неубедительно, что вынудило Кэтрин заговорить без всяких экивоков, чуть ли не враждебно. Возможно, она испытывала нечто вроде ревности. Она слегка сжала губы, и ее взгляд снова прошелся по нему, на сей раз более строго и придирчиво, отметив, что его выходной костюм явно не с Сэвил-роу и его далеко не шикарная рубашка не раз побывала в стирке. Ее глаза сузились. Все ее инстинкты встали на защиту Нэнси.

— А что вы делали в Ницце, мистер Мэдден?

— Ну, просто так получилось, что у меня был отпуск, первый за долгое время. Я был в Риме, Флоренции и Вене. Потом мне пришлось в голову снова увидеть Францию. Я был там во время войны — семнадцать лет назад. Вроде это большой срок, но, боже мой, когда я попал туда, мне показалось, что прошло всего ничего.

— И в самом деле, — сказала Кэтрин без энтузиазма. — Время всегда обманчиво. Вы планируете провести его в основном здесь, мистер Мэдден?

— Это зависит от Нэнси, мисс Лоример. Я хочу, чтобы мы поженились как можно скорее. Но она связана с театром. У нее в голове эта новая пьеса. Премьера в Манчестере через неделю, и из-за репетиций и прочего она довольно занята. Думаю, все это пройдет. Во всяком случае, я решил немного побыть здесь, пока она не закончит с этой пьесой, а затем убедить ее вернуться со мной в Америку.

— Все это выглядит довольно неожиданно, вам не кажется, мистер Мэдден? — Кэтрин одарила его ледяной улыбкой. — Мы здесь очень любим Нэнси. Я сама крайне привязана к ней...

— О, я знаю, — перебил он. — Нэнси рассказывала мне, мисс Лоример. Вы для нее просто все.

— Как бы вы это ни называли, но счастье Нэнси много что значит для меня. При таких обстоятельствах вполне естественно, что я хотела бы узнать хоть что-нибудь о человеке, за которого она собирается замуж.

Его лицо изменилось, и на место живой открытости явилась маска суровой, замкнутой и знающей себе цену зрелости. Он перевел на нее спокойный взгляд и ответил:

— Я вас понимаю.

Последовала пауза. Она отвела глаза, сознавая, что обидела его своей бестактностью, и, как это ни парадоксально, втайне расстроенная собственной нетерпимостью. И все же, сердито сказала она себе, как могло быть иначе? Она была недовольна Нэнси, оттого что та почти ничего ей не рассказала. Она ожидала кого-то совсем другого, кого-то с очевидным прошлым и определенной предысторией. Этот незнакомец, этот долговязый американец, случайно навязавший ей свое знакомство, вызывал если не антипатию, то по крайней мере явное недоверие, которое ради Нэнси она должна была развеять. Погруженная в эти мысли, Кэтрин в нерешительности стояла рядом с ним, когда подошла Нэнси и лучезарно улыбнулась им обоим.

— Я рада, что вы познакомились. Что ты о нем думаешь, Кэтрин, теперь, когда узнала самое худшее? Разве он не ужасен?

Мэдден взглянул на Нэнси — его лицо вдруг снова ожило.

— Боюсь, она действительно считает меня ужасным. Беда в том, Нэнси, что я не ожидал увидеть мисс Лоример такой молодой и красивой, как и она не ожидала встретить такого шалопая, как я. По правде говоря, мы совсем не поладили.